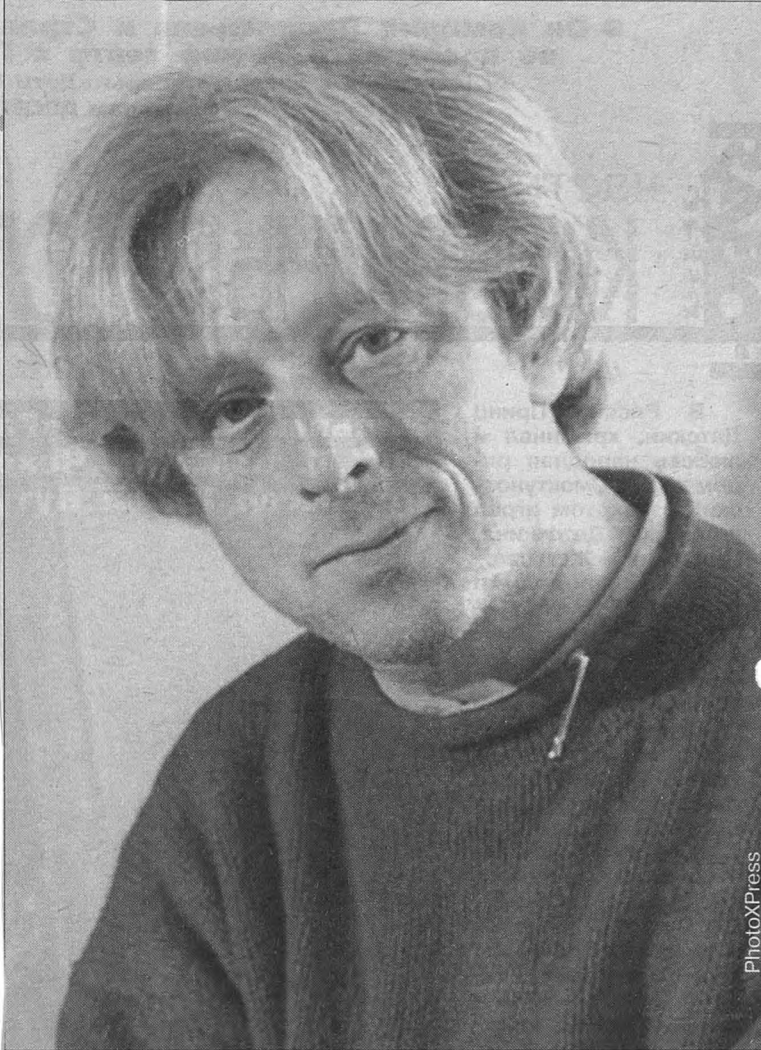




PhotoXPRESS

Леонид ДЕСЯТНИКОВ:

Я учился у музыки

Разговор после юбилея композитора

— Не стоит воспринимать антураж моих сочинений как прямое, непосредственное высказывание. Я очень люблю прятаться за какими-то ширмами, цитатами... Я редко решаю что-то сообщить слушателю «напрямик» — просто такой характер, темперамент.

— Каким образом получился композитор Десятников?

— Если интересны какие-то подробности моей биографии, то могу сообщить, что я очень признателен в первую очередь своим родителям, которые, не будучи музыкантами, разглядели во мне какие-то музыкальные способности и весьма способствовали тому, чтобы я получил музыкальное образование сначала в Харькове, а потом в Ленинграде. Они меня очень поддерживали. Особенно мама.

А вот насчет учителей я не был бы столь оптимистичен. Я не могу назвать человека, который оказал на меня решающее влияние как композитор. Я очень много учился у самой музыки. Я больше доверял своим ощущениям от Баха, Прокофьева, Стравинского, чем воспринимал эту информацию через впечатления какого-то конкретного человека. Хотя, конечно, были люди, которые оказали на меня большое влияние.

— Какой опыт вам дала премьера «Детей Розенталя» в Большом театре?

— Шквал и накал ситуации вокруг премьеры меня очень будоражили, я даже не знал, что в моем организме есть такие запасы адреналина. Во всяком случае, события, происходившие на Театральной площади и в Думе, отнюдь не погасили моего интереса к оперному жанру, и у меня есть кое-какие новые идеи. Проблема в том, что опера — это такая вещь, которая требует отдать ей несколько лет жизни, но никто не знает, сколько осталось.

Невозможно делать огромную работу без гарантии ее воплощения

на сцене. Если бы ко мне обратился какой-нибудь театр, я бы откликнулся на предложение. Уже, кстати, предлагали, но тот литературный материал, который должен лечь в основу оперы (это обязательное условие заказчиков), мне совершенно не подходит, к сожалению.

— Как вы пишете? Природа процесса?

— Невозможно описать. Сложно быть сконцентрированным на работе и вместе с тем наблюдать за собой со стороны. Мне кажется, сочинение музыки — это всегда впадение в некий транс. Интеллект и интуиция сочетаются очень причудливо, а какова природа этого соединения, мне знать не дано.

Может быть, ученые, занимающиеся психологией художественного творчества, что-то знают. У меня же есть только мои навыки, мои кухонные привычки, но их бессмысленно разглашать.

— Чем является время в музыкальном мире?

— Я знаю лишь, что музыкальное время не тождественно реальному времени, что музыкальное время — величайшая драгоценность, и я стремлюсь максимально заполнить тот промежуток времени, который отведен для того или иного сочинения. То есть не должно быть никаких провалов, звучащий предмет должен существовать как напряженное тело. Не может быть никаких смысловых провисаний.

Для этого требуется определенное мужество. Мы живем в обществе, где музыка превратилась в дешевку, стала фоном. Чем-то вроде соски для младенца. И в этой ситуации доказывать, что музыка есть величайшая ценность... это, может быть, выглядит довольно нелепо. Тем не менее я думаю, что люди, считающие именно так, обязаны постоянно прилагать усилия к тому, чтобы доказать это.